

С. М. ПРОХОРОВА

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ „СИНТАКСИЧЕСКИХ БАЛТИЗМАХ“

С проблемой так называемых „синтаксических балтизмов“ сталкивается синтаксист-славист при более углубленном изучении синтаксиса славянских языков, а тем более их диалектов. Постоянно обращался к этой проблеме А. А. Потебня. К сопоставлению славянского диалектного и литературного синтаксического материала с балтийским прибегали многие лингвисты — В. И. Борковский, Т. П. Ломтев, Б. А. Ларин, Ю. С. Степанов, Я. Бауэр, П. Трост и др. Такой путь изучения славянского синтаксиса эти ученые считали и считают особенно плодотворным.

С этой же проблемой пришлось столкнуться и нам при ареально-типологическом изучении синтаксиса относительно небольшой переходной русско-белорусской зоны Смоленщины, в прошлом заселенной кривичами и радимичами. Эта вибрационная диалектная зона изучалась нами на широком славянском и балтийском фоне.

В результате изучения синтаксиса пограничной с Белоруссией территории Смоленщины предполагаемое нами наличие синтаксических балтизмов подтвердилось на уровне простого предложения. Сложное предложение сформировалось в рамках восточнославянского ареала, что не исключает большого количества универсальных черт в синтаксисе славянских и балтийских языков (см. работы А. Дротвинаса). В составе простого утвердительного предложения нами обнаружен целый ряд так называемых „синтаксических балтизмов“.

„Синтаксический балтизм“ — явление неоднородное. На нашем материале выделяется несколько разновидностей (или типов) таких явлений.

Среди них особое место занимают собственно балтизмы, т. е. явления, известные на балтийской территории и в результате контактов (чаще в виде субстрата) появившиеся на славянской территории. Структурно и семантически они полностью совпадают с балтийскими. Причем, как отмечала В. Н. Ярцева, „синтаксис — это та область, [где ярче всего проявляется влияние субстрата, где находят свое отражение психические навыки исчезнувшего народа“¹. Говоря о субстрате, необходимо учитывать историю носителей изу-

¹ Ярцева В. Н. Теория субстрата в истории языкознания // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1956. Т. 9. С. 26.

чаемых говоров, так как „субстрат — это производное от определенного исторического процесса“². В. И. Абаев считает субстрат понятием не чисто лингвистическим³.

О субстрате, по мнению В. И. Абаева, можно говорить лишь в том случае, если имеет место процесс этнического смешения или смены населения. В настоящее время получило признание предположение, впервые высказанное Б. А. Рыбаковым в 1947 г.⁴, о том, что славянские племена — это союзы племен; ученые предполагают возможность вхождения в состав союзов кривичей и радимичей балтийских племен. В. В. Седов считает, что смоленско-полоцкие кривичи сложились как отдельная группировка „там, где кривичское население смешалось с местным балтским“⁵, и далее: „Очевидно, важнейшие культурно-племенные признаки их и обособление от псковских кривичей обусловлено славянизацией балтов — потомков носителей днепро-двинской культуры“⁶. Согласно данным археологии, процесс славянизации местных балтов активно шел в XI—XII вв. В. В. Седов отмечает, что „в радимичских курганах XI—XII вв. балтские элементы... обнаруживаются в большем количестве, чем в других племенных ареалах. По всей вероятности, это обстоятельство объясняется несколько поздней славянизацией балтов в бассейне Сожа. А это в свою очередь, по-видимому, обусловлено сравнительно поздним расселением славян в радимичском ареале“⁷.

В дискуссии о субстрате Б. Б. Пиотровский еще в 1956 г. пришел к выводу, что „диалекты языка могут образоваться не только путем территориального распада этого языка, но и в процессе ассимиляции этим языком (на части территории его распространения) другого языка“⁸. Предположение Б. Б. Пиотровского получило обоснование и развитие в работах Г. А. Хабургаева, доказавшего, что восточнославянское языковое единство оформилось из неоднородных по происхождению компонентов⁹. На исследуемой нами территории наряду с более древним балтийским субстратом, который ученые соотносят, как правило, с восточными днепровско-двинскими балтами (так назы-

² Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1956. Т. 9. С. 168.

³ Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1956. Т. 9. С. 58.

⁴ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // СЭ. 1947. № 6—7. С. 97. Положение развито в 1952 г. в кн.: Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности // ВИ. 1952. № 9. С. 40—62.

⁵ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 158.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Докл. и сообщ. ИЯ АН СССР. Т. 9. С. 124.

⁹ Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980. С. 70—115.

ваемый „подпочвенный слой языка“, по В. И. Абаеву), четко просматривается латышский субстрат. Связи смолян с латышами (особенно латгалами) были тесными на протяжении длительного времени. Очень тесными были связи смолян с латышами в XI—XIII вв.: договором 1129 г. регулировалась обширная торговля, которую вело Смоленское княжество с Ригой. Особенно тесное общение с древнейших времен с латышскими территориями было у Велижа, торговые связи которого с Ригой продолжались до конца XIX в. В конце XVIII — начале XIX в. оживленную торговлю с Ригой поддерживал и город Поречье (ныне Демидов). В Велижском районе долгое время проживали и сейчас кое-где проживают латыши¹⁰, поэтому именно в этом районе (в бассейне р. Зап. Двина) отмечается больше конструкций, общих с латышскими говорами (особенно латгальскими), хотя спорадически такие конструкции встречаются на всей рассматриваемой территории. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что с 1719 по 1726 г. рассматриваемая территория входила в состав Смоленской провинции Рижской губернии¹¹. Существуют и отдельные общие этнографические особенности, объединяющие смолян и латгалов. Латышский субстрат на этой территории — явление не только древнее, но и, возможно, новое. В. И. Абаев отмечал: „Не следует думать, что субстрат — это нечто такое, что имело место только в далеком прошлом, что соответствующие процессы не могут быть предметом непосредственного наблюдения в настоящем“¹².

Часто синтаксические конструкции, соответствующие латышским, употребляются параллельно со славянскими. В. И. Абаев утверждал, что субстрат обязательно проявляется на разных уровнях языка — в фонетике, лексике, семантике, морфологии, синтаксисе, „пронизывает все структурные стороны языка“¹³. Латышские особенности встречаются на исследуемой территории на разных уровнях языка, в том числе на синтаксическом.

В Велижском районе Смоленской области отмечен делиберативный объект при глаголе *смеяться*, как и в латышском языке: *смеяться про кого (что)*, что сказывается и на семантике глагола — как и в латышском, глагол *смеяться* попадает в этих говорах в поле глаголов интеллектуальной деятельности. Широко распространено на исследуемой территории Смоленщины употребление при творительном падеже в любом значении предлога *с*: *мазать хлеб*

¹⁰ Сведения о латышах, в настоящее время проживающих на Смоленщине, см.: Смоленская область. Краеведческий словарь. М., 1978. С. 117.

¹¹ Смоленская область. Краеведческий словарь. М., 1978. С. 180, 186.

¹² Абаев В. И. Указ. соч. С. 58.

¹³ Докл. и сообщ. ИЯ АН СССР. Т. 9. С. 166.

с маслом, копать землю с лопатой, ехать с конем, пень порос с мохом и т. п. Это несомненное влияние латышского языка.

Кроме собственно балтизмов, на славянских территориях, в том числе и на исследуемой, отмечаются балто-славянские новации широкого и узкого распространения. Четко выявляется центр и периферия балто-славянских новаций, к ним приложима теория волн. Центр новаций может находиться либо на территории только Литвы, только Латвии, либо на территории Литвы и Латвии, часть новаций может распространяться с балтийских и славянских территорий, а отдельные новации распространяются со славянских территорий на балтийские (к последним относятся синтаксические конструкции с предлогом *до* и некоторые другие). Появление таких новаций¹⁴ — результат теснейших длительных контактов балтов и славян.

В нашу задачу не входит рассмотрение новаций, распространяющихся со славянской территории на балтийскую, так как это скорее „славизмы“, а не „балтизмы“. Хотя эта проблема тоже требует более глубокого изучения.

К балто-славянским новациям широкого распространения относятся конструкции типа *смелей за брата, смелей как // як брат, благодарить кому*, так называемый „новый перфект“ в составе поля предиката (формы на *-вши, -ши*) и т. п. (центр новаций — литовская и латышская территории + прилегающие славянские).

Отличительной особенностью новаций является то, что возможно как полное, так и неполное совпадение конструкции на балтийских и славянских территориях, так как развитие новации могло протекать на разных территориях специфически.

Новацией более узкого распространения является конструкция *смеяться с кого* (центр — литовская территория). С литовской территории (и прилегающих славянских) распространялась конструкция типа *идти в грибы, в ягоды, ехать в дровы*, в которой предлог *в* соответствует литовскому предлогу *i*. Данная конструкция, кроме объектно-целевого, имеет добавочное процессуальное значение постепенного накопления объекта, отсутствующее в славянских объектно-целевых конструкциях. В литовском языке это подтверждается параллельным функционированием конструкций *Eiti i grybus // Eiti grybauti*. Конструкции типа *идти в грибы* и на литовской и на славянской территориях полисемантичны и имеют добавочное значение направления.

Встречающаяся на части белорусской территории и на исследуемой нами территории Смоленщины конструкция типа *говорить на мать* (всегда параллельно с *говорить матери*) полностью соответствует диалектной латышской

¹⁴ Отдельные новации описаны А. П. Непокупным. См.: Непокупный А. П. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964.

(латгальской) конструкции *runāt uz mati*. Примеры употребления конструкций, в которых латышский предлог *uz* соответствует русскому *на*, приводит Я. Эндзелин (Endzelīns, DI, I, 417). Можно предположить, что конструкция типа *говорить на мать* могла появиться в период усиления связей латгалов с кривичами, который историки датируют X—XI вв., ее можно считать латгало-кривичской новацией. Несомненно, она поддерживается латышским субстратом, являясь вместе с тем латышско-славянской новацией. Предположение о том, что в славянских и латышском языках есть общие новации, в свое время высказал В. Пизани¹⁵. Тот факт, что подобные конструкции отмечены в балканском ареале¹⁶, подтверждает лишь мысль о том, что „реликты балто-славянских контактов обнаруживаются иногда в очень далеких друг от друга пунктах славянской языковой территории“¹⁷.

И, наконец, к третьему типу можно отнести реликтовые явления, сохранившиеся как на балтийских, так и на славянских территориях. Они могли иметь на этих территориях различную судьбу, в силу чего часто отсутствует полное семантическое или формальное совпадение подобных конструкций. Вполне возможно соответствие им в других языках, кроме славянских и балтийских, чем обычно и вызывается большое количество противоположных мнений ученых относительно происхождения подобных конструкций и их судьбы.

К такому типу конструкций можно отнести наличие на славянских территориях прямого объекта при отдельных возвратных глаголах, а также употребление объектно-целевой конструкции типа *идти воды, молока, сена*, повсеместно распространенной в Литве и в части Латвии. В подобных конструкциях могут функционировать только вещественные существительные в значении родительного части (родительный партитивный), что свидетельствует о древности этой беспредложной конструкции. Сюда же можно отнести именительный объекта при *надо* и *жалко*: *надо вода; жалко свой ребенок; жалко старик, жалко петух*. На исследуемой нами территории употребление именительного при *надо* и *жалко* во многом совпадает с употреблением именительного в латышском при *vajag* и *žēl*, что, очевидно, поддерживалось непосредственными контактами.

К этому же типу явлений можно отнести и сохранение в составе поля предиката форм на *-но* для выражения неопределенно-личных отношений:

¹⁵ Pisani V. Baltisch, Slavisch, Iranisch // Baltistica. 1969. Т. 5(2). Р. 133—140.

¹⁶ Цыхун Г. А. Типологические проблемы балкано-славянского языкового ареала. Минск, 1981.

¹⁷ Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1978. С. 30.

По радио говорено, что...; В книге писано, что...; В Смоленске строено (что-л.) и т. п. Относительно этой конструкции (как и относительно предыдущих) существует большая литература. А. А. Шахматов считал ее праславянской¹⁸. Высказывалось предположение, что на восточнославянских территориях это полонизм (см. работы Т. Лер-Сплавинского, В. Дорошевского, А. Дороса), при этом не учитывались данные балтийских языков. Для литовского языка конструкции типа *Kalbėta, kad...* не менее продуктивны, чем для польского (см. работы В. Амбразаса).

Термин „балтизм“ для перечисленных реликтовых конструкций употребляется условно, так как явление может уходить в глубь веков, может быть известно не только балтийским и славянским языкам, на территориях которых оно представлено в виде островов или островков. Представляется возможным назвать его балтизмом, так как на балтийских территориях оно выступает компактно и достаточно широко¹⁹.

Так называемые „синтаксические балтизмы“ могли заполнять семантические лакуны в диалектном славянском синтаксисе, поэтому их появление нельзя сводить к простому усвоению балтийских синтаксических структур. Больше всего балтизмов (все три типа) отмечено в синтаксическом поле объекта. Можно с уверенностью утверждать, что формирование синтаксического поля объекта проходило на отдельных славянских территориях при тесных контактах славян и балтов. Балтизмы отмечаются как в центре этого поля, так и на его периферии — в переходных объектно-обстоятельственных микрополях. Как следует из описания семантики конструкций типа *идти в грибы, идти воды* и др., так называемые „балтизмы“ давали возможность выразить дополнительные оттенки значений.

То же можно сказать и о балтизмах в составе полицентричного синтаксического поля предиката. Балто-славянская новация (так называемый „новый перфект“ — формы на *-вши, -ши*) развилась в точке пересечения синтаксического поля предиката с функционально-семантическим полем темпоральности.

Появление на периферии поля субъекта балто-славянской новации *моя голова болит* (центр — литовская территория) привело к устранению в конструкции полисубъектности, как бы семантически упростило конструкцию.

В синтаксическом поле субъекта балтизмы практически отсутствуют (за исключением отмеченной балто-славянской новации на его периферии), в по-

¹⁸ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.; Л., 1941. С. 111.

¹⁹ Приношу глубокую благодарность коллегам из Литвы и Латвии за доброжелательность, советы и помощь, оказанную мне, а также за предоставленные диалектные материалы, что позволяет уверенно ориентироваться в территориальном распространении балтизмов.

ле предиката —отмечаются на пересечении с ФСП темпоральности. Шире представлены балтизмы в синтаксическом поле объекта, хотя в принципе „синтаксические балтизмы“ немногочисленны (при довольно большом количестве общих черт, присущих синтаксису славянских и балтийских языков). Но важен не количественный показатель, а то место в системе отдельных славянских языков и диалектов, которое балтизмы занимают.

На исследуемой нами территории так называемые „синтаксические балтизмы“ немногочисленны, но употребляются носителями говоров достаточно активно, часто параллельно со славянскими конструкциями, что отражает историю развития этих говоров. Четко выявился на всей территории (с преобладанием в Велижском районе, в бассейне р. Зап. Двина) латышский субстрат²⁰.

Сгущение балтийских черт (и не только на синтаксическом уровне) отмечено в бассейне р. Сож и ее притока р. Вихра. В. В. Седов склонен объяснять это несколько поздней славянизацией балтов в бассейне Сожа, что, как считает В. В. Седов, обусловило позднее расселение славян в радимичском ареале²¹. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что на данной территории отмечены почти все описанные нами синтаксические балтизмы.

Рассмотрение небольших диалектных славянских территорий на широком славянском и балтийском фоне с целью выявления в них синтаксических балтизмов представляется перспективным в плане более глубокого понимания исторических связей балтов и славян.

TOWARDS THE PROBLEM OF THE SO-CALLED "SYNTACTIC BALTICISMS"

Summary

The article presents the results of the investigation of the so-called "syntactic balticisms" and determines the role of the Baltic substratum in some Slavic territories. The "syntactic balticism" is shown to be a heterogeneous phenomenon. Three types of syntactic balticisms are singled out: (1) the balticisms proper which appeared in certain Slavic territories as a result of direct contacts with Baltic population (mainly as a substratum); (2) Balto-Slavic innovations of wide and limited occurrence the centre of which was located both within the Baltic and the Slavic territories; 3) survival phenomena which remained both in the Baltic and the Slavic territories. The term „balticism“ for the latter can be used but conventionally, because these phenomena can be rooted back in the ancient times and can be common not only to the Baltic and the Slavic languages (while they are widely spread in the Baltic territories).

²⁰ В. И. Абаев отмечал: „Когда мы пытаемся уяснить, в чем причина своеобразия языковых последствий субстрата, уяснить, почему эти последствия сказываются интимнее и глубже, чем при заимствовании, даже самом интенсивном, мы приходим к проблеме *двуязычия*“ (Абаев В. И. Указ. соч. С. 59).

²¹ Седов В. В. Указ. соч. С. 156.